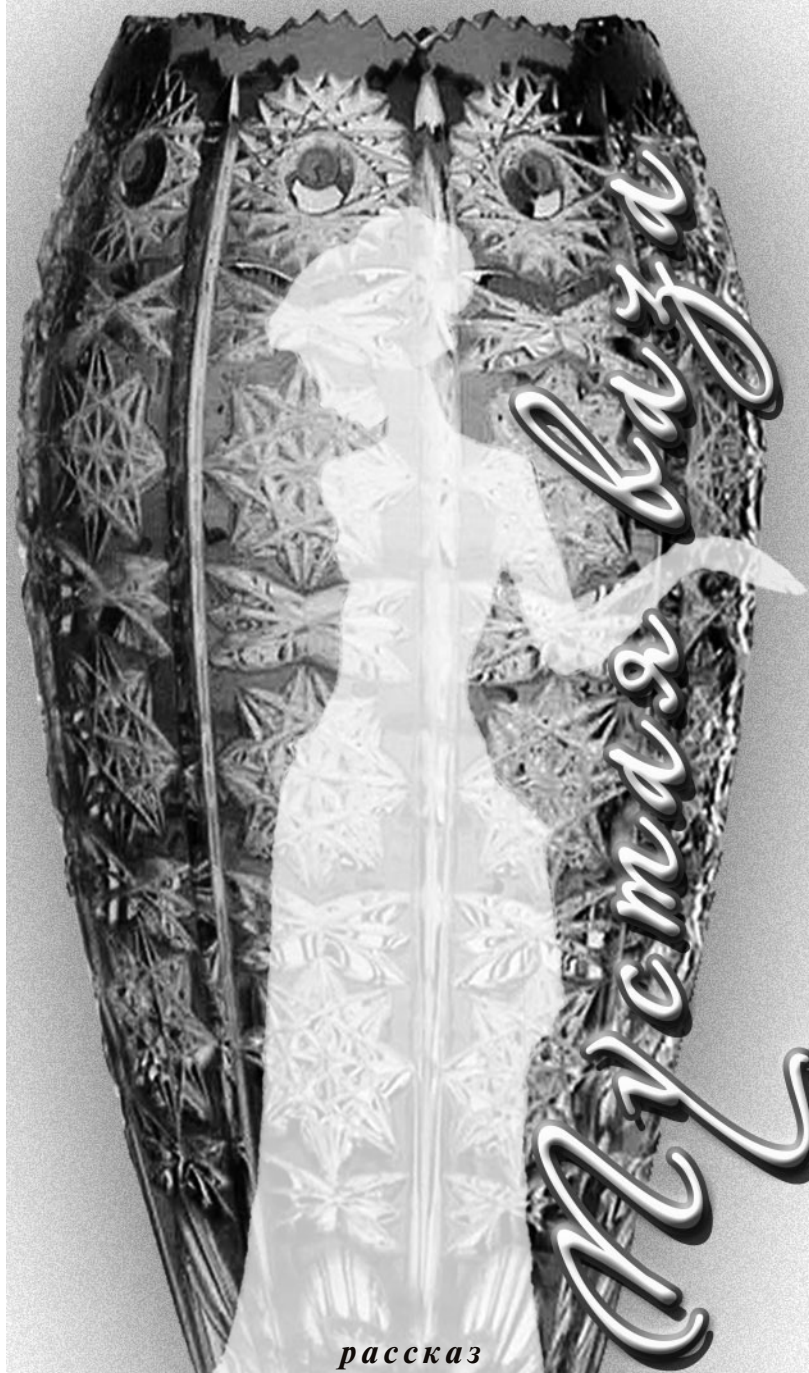

Лукас фон ШЕЛЛЬ

г. Петрозаводск

Она бесцельно бродила по оживленным улицам, заходила в магазины одежды, равнодушно разглядывала модели и этикетки на них, бегло смотрела на цены, отрицательно мотала головой с тяжелой гривой рыжих волос на предложения продавцов помочь. Затем вновь выходила на улицу, шла дальше, а за ней тянулся, словно тень, ее угрюмый, усталый, опустошенный мир, из которого ушла радость. Она останавливалась у лотков с книгами, так же без интереса листала их, читала аннотации к толстым бестселлерам, в которых, несмотря на толщину, не было ни одного ответа на вопрос, как жить дальше, за что цепляться, а что отпустить, как жить, избегая житейских ловушек, и как из них выбираться, если уж попался. Нет, бестселлеры только завлекали в новые капканы, втягивали в очередные приключения и делали жертвами новых иллюзий. Но как вернуть радость, которая, как свет, освещает эту жизнь?

Она отходила от книг с броскими обложками и завлекательными заголовками, шла дальше; иногда вглядывалась в чужие озабоченные лица встречаемых людей, опускала голову, отчетливо понимая, что не хочет идти домой. В теплый солнечный день находиться среди незнакомых равнодушных людей, привычного городского шума и множества витрин с броскими, но ненужными вещами все-таки легче, чем дома, где ее ждала пустая немая ваза...

Эта красивая ваза, казалось, занимала всю квартиру, была везде, как дух, как запах, хотя стояла всего лишь на небольшом столике в гостиной — высокая, из богемского хрусталя, изящно суженная сверху. Но всякий раз, когда она возвращалась домой с улицы, уставшая, проголодавшаяся, обессиленная, эта хрустальная ваза виделась ей то заброшенной и жалкой, то злобной и насмешливой. Поэтому она тянула время, неспешно бродила по улицам, лишь бы не наткнуться взглядом на пустую вазу и не остаться с ней наедине... Не вспоминать, не ворошить былое

счастье, как что-то опустошающее, непостижимое...

Раньше, когда приходил тот красивый обаятельный мужчина с огромным букетом прекрасных роз на длинных стеблях и ставил их в эту богемскую красавицу, заполненную водой, она, казалось, гордо вытягивалась и излучала удивительный свет. И, когда он уходил, ваза с цветами хранила его присутствие, его аромат и дух, его запахи и свежесть. Ваза заполняла ее одиночество, когда его не было; эти цветы были словно мостиком между встречами. Эти цветы в чистой вазе завершали картину счастья на полотне ее будней — оно было полным.

Все в доме дышало ароматом цветов и запахом его обаяния, здесь царило счастье, и все предметы, озаренные ее любовью, были счастливы: постель манила чистотой и свежестью; мельчайшие пылинки весело танцевали в лучах света, и даже паучок в углу ванной, казалось, был счастлив. Счастье, словно запах дорогих духов, было разлито по квартире и заливалось светом радости ее мир...

Аромат прекрасных мгновений держался дома почти два года.

Тот красивый обаятельный мужчина, который раньше приходил сюда, приносил чудесные цветы и ставил их в вазу, словно водружая знамя победы на крыше жизни, больше не появлялся. Что изменилось в нем? Стал он еще счастливее, но в другом месте? Другой свет и другой мир ярче этого открылся ему?

Давно поникли головки прекрасных роз, нежные сочные лепестки превратились в безжизненные, сморщенные тряпочки, крупные листья опустились, свернулись и засохли.

Обычно увядшие цветы покидали вазу и находили свой последний приют в мусорном ведре. Они уходили, чтобы уступить место в вазе другим цветам, свежим, сочным. Но на этот раз свежий букет не сменил прежний, увядший.

Эти цветы были для него лишь знаменем победы? Освещалась ли его душа тем же сияющим светом радости и счастья, как и вся ее комната, и хрустальная ваза, и красивая постель, и маленький паучок, и весь ее мир? После него осталась пустая немая ваза с разво-

дами на стенках от загнивших стеблей. С той поры, где бы ни была, она чувствовала себя такой же пустой вазой со следами бывшего счастья на стенках души, и над ней развивался теперь на длинных стеблях тяжелый и черный букет пустоты...

Ваза, лишенная цветов, открыто смеялась над ее прежним счастьем и доверчивостью; все прежние радости теперь были отравлены ее насмешливым злобным взглядом. Все перевернулось, темной завесой покрылось ее бывшее счастье, кругом лежала отравка, пылились ее чувства. И спальня, и кухня, и гостиная кричали о лжи и обмане, а из горлышка хрустальной вазы, как джинн, исходила пустота, обволакивала ее страхом одиночества и глядела на нее страшными пустыми глазницами...

Она повернула за угол, пошла по другой улочке и внезапно почувствовала свежий приятный запах. Она подняла глаза от тротуара и увидела, что впереди — цветочная лавка. Различные цветы в ведрах и горшках стояли у входа. Она остановилась, словно удивленная этим зрелищем, покачала головой, и внезапно от какой-то мысли ее губы тронула улыбка, глаза потеплели. Мгновение помедлив, она открыла дверь и вошла в цветочный оазис. Свежие, благоухающие каждый на свой лад, стояли в ведрах желтые и розовые тюльпаны, белые амариллисы, красные гвоздики. Она поискала глазами розы и увидела их — крупные, на длинных стеблях, они полыхали и притягивали взор. Купила пять роз, попросила завернуть в бумагу и с каким-то странным новым чувством, бережно прижимая их к груди, понесла домой. Теперь она поймала себя на мысли, что спешит, ей не терпелось зайти в дом, взять со столика хрустальную вазу. Она представляла, как тщательно вымоет ее, уберет со стенок все следы увядших букетов, наполнит свежей хрустальной водой, добавив пакетик соли, и поставит эти прекрасные темные розы на длинных стеблях в чистую вазу. А потом непременно улыбнется, словно торжественно водружает знамя победы на крыше своей жизни.

И пустая ваза наконец исчезнет.

На местном телевидении в дневное время Она вела передачу «Мои друзья растения». На ее сайт приходило много писем от любителей растений; казалось, что весь мир интересуется только растениями, что жизнь состоит исключительно из трав и деревьев, цветов и семян и людей заботят только сроки всходов и условия произрастания своих любимцев. Многие ее корреспонденты указывали на присутствие в растениях целебных свойств почти от всех болезней, а некоторые обнаруживали даже приворотные свойства. Она вела с ними оживленную переписку; эта работа занимала много времени и отвлекала от неустроенности личной жизни.

Но однажды ей пришло письмо от какого-то

мужчины, и оно было необычно тем, что в нем он писал о себе, о своих впечатлениях и чувствах, которые она навеяла ему с экрана телевизора. И хотя он не был поклонником ни кактусов, ни орхидей, сама ведущая передачи привлекла его внимание, как ботаника — редкое растение. Этому и было посвящено его письмо.

Ей было приятно его внимание. Она задумалась, затем подошла к зеркалу и оглядела себя со всех сторон; к этому моменту ее жизни она представляла собой стройную, следящую за собой, разборчивую в еде и одежде, придирчивую к манерам и поведению молодую женщину сорока восьми лет; её трудно было склонить к поступкам, которым давно, еще в ранней юности, была дана строгая оценка; она все еще ждала своего принца в образе достойного, порядочного, надежного мужчины. Ожидая его появления, она отказывала себе в мимолетных увлечениях и ни к чему не обязывающих отношениях.

Она была один раз замужем; ее муж — первый принц еще со школы — очень любил её, он со вкусом одевался, был приветлив с другими людьми и никого не судил; его привлекали в жизни романтика и приключения, у него было много друзей. Но ему, как ей казалось, недоставало знаний, он не увлекался ни поэзией, ни искусством, мало читал, однако же был надежным, честным и справедливым. К тому же увлекался альпинизмом.

Она была для него принцессой, которая ему соответствовала; любила элегантный гардероб, с удовольствием принимала участие во встречах друзей, обожала книги про любовь, романтику и приключения. Иными словами, как говорят в таких случаях, они были словно созданы друг для друга.

Пять лет назад он и два его друга погибли в Гималаях в какой-то пропасти. И она осталась одна принцессой в опустевшем королевстве.

То письмо ее тронуло, она даже сама не ожидала, что оно ее заденет, заставит призадуматься, оглядеть себя с ног до головы, почувствовать себя не механизмом на пути где-то между работой и домом, не специалистом по растениям, не сотрудницей на телевидении. В огромном мире одиноких тревожных душ

ощутила, что для кого-то она крошечная точка, слабый мерцающий огонёк, который так легко погасить легким дуновением ветра. Так хочется, нет, просто необходимо, чтобы кто-то подошел и прикрыл от ветра огонек своими широкими ладонями, чтобы огонек окреп, стал пылать и однажды превратился в настоящий костёр со всеми переливами красок и горячих языков, которыми он жадно охватывает и пожирает поленья жизни... «Хочу теплые, крепкие руки, простертые ко мне!» — мысленно сказала она себе, улыбнулась и ответила незнакомому поклоннику.

Завязалась переписка, по которой было понятно, что он принимает её за тонкую, чувствительную натуру, образованную женщину, умного, сложного человека...

Постепенно в ее мечтах сложился его образ — образ благородной возвышенной души и сильной личности, и в этот далекий, немного туманный образ она незаметно для себя влюбилась, ждала его письма, торопливо отвечала... Это он, тот самый принц из юности, который всегда жил в ее голове — он там зародился, и его маску она подсознательно примеряла на всех мужчин, встречавшихся на ее пути, в надежде, что кому-то она будет впору, кто-то будет ей соответствовать. В этих примерках и несоответствиях проходили ее годы. И теперь, когда в ее жизни появился этот незнакомый мужчина, таинственный, прекрасный образ принца возник снова перед ней. Это дало ей новые надежды, и она словно расправила крылья.

Но постепенно его страстные письма стали ее почему-то беспокоить, и вскоре она пришла к ужасной мысли, а соответствует ли она вообще его представлениям, достаточно ли она тонкая, образованная, возвышенная? А ведь к тому времени в его письмах уже стало встречаться слово «божественная»!..

Что делать?..

Человек складывается со временем в какую-то причудливую смесь из характера, привычек, наклонностей, вкусов, интересов, представлений. Эта смесь настолько монолитна и прочна, что кажется порой, будто это не человек, а кирпич, который можно только сломать, раскрошить, истереть в порошок, но невозможно изменить. И таким он предстает каждый день пе-

ред собой и другими людьми. А в данном случае требовалось изменить себя, перестать быть кирпичом, снова превратиться в гончарную глину, пройти через лепку творческими руками и вылепиться в удивительную женщину, чуткую и сложную, тонкую и чувствительную... Ту самую... Божественную...

Любовь обязывала...

Она пошла в библиотеку, взяла «Фауста» Гете и впервые прочла его до конца. После этого она почувствовала себя немного увереннее. Если пойдет речь о величайшем творении человеческого гения, то она сможет сказать что-нибудь вразумительное. Но, конечно, до заметных изменений было еще очень далеко. И она записалась на курсы английского языка, чтобы читать Вильяма Шекспира в подлиннике. У нее не было другого выбора, любовь толкала ее все дальше. А ведь в каждом письме он говорил о ее глубине и тонкости, и ей, конечно, очень хотелось соответствовать этому удивительному, загадочному образу тонкой, глубокой женщины, чтобы не разочаровать этого, как ей казалось, начитанного, образованного мужчину. Один только его презрительный взгляд, если бы он обнаружил ее невежество, приводил ее в трепет. Выглядеть в его глазах невеждой? Никогда!..

Вскоре в его письмах появились новые нотки, и она снова встревожилась, он стал намекать на встречу. Каждый намек ее пугал, и она в панике отказывалась, находила поводы избежать свидания. Она еще не была готова. Кем она предстанет перед ним? Глупой гусыней? Нет, она еще не соответствовала этой встрече. И она принесла из библиотеки новую стопку книг и читала ночи напролет Иоганна Гете, Фридриха Шиллера, Серена Кьеркегора, Данте Алигьери, Франца Кафку, Германа Гессе, Генриха Белля, Жан-Поль Сартра, Фридриха Новалиса, Фернандо Пессоа.

Любовь обязывала...

Его разочарования она бы не пережила. Выглядеть душой в его глазах? Никогда! Хорошо бы отсрочить встречу на год, лучше на два — может быть, она бы успела привести в порядок этот вымышленный образ и поднять его на должную высоту, углубить мировосприятие, добавить загадочности, приглушить свою простоту, расширить кругозор.

Но он начинал проявлять нетерпение и даже недоумевать по поводу ее упорных, ловких ускользаний. Встреча назревала. Она в панике схватилась за психологию и биохимию. Единственное, что утешало — это отражение в зеркале, а еще макияж. Это была хорошо продуманная система, и здесь она чувствовала себя увереннее всего; ее она отработала до совершенства еще в юности. С макияжем было просто: он имел начало и конец. Пудра, тени, тушь, помада, напоследок — духи. На всё действие в зависимости от повода от пятнадцати минут до полутора часов.

Но вот эта духовность!.. Это было что-то неопределенное, бездонное, не имевшее ни конца ни края. Здесь можно быть знатоком в одном и полным невеждой в другом. Что делать? Отсрочить встречу еще на год-другой, чтобы изучить генетику, философию, историю средних веков, португальскую поэзию, производство солнечных батарей, виноделие, строительство мостов, жизнь муравьев, рождение звезд, альтернативные источники энергии?.. А если за этот срок он разлюбит?.. Тогда все было напрасно. Тогда больше не надо соответствовать. Можно не читать и не изучать. Тогда — выпатся. Перевести дух. Отложить книжки. Оставить только макияж — для растений и быта.

Он стал настолько нетерпелив, что уже требовал встречи. И она наконец сдалась, все еще не до конца уверенная в том, что сделала сполна то, к чему любовь обязывала. В ночь перед свиданием она освежила в памяти «Похвалу глупости» великого Эразма Роттердамского и основные технические данные к новинке «Windows 8». На четыре тома бессмертного труда Артура Шопенгауэра «Die Welt als Wille und Vorstellung» уже не оставалось времени, близился рассвет. Вечером в дополнение к своей наработанной за последнее время духовности она набросала в течение часа макияж, надела лучшее, что только нашлось в гардеробе, и с замирающим от волнения сердцем поплелась на свидание.

В кафе почти не было народу, за столиком у окна сидел пожилой мужчина в серой рубашке с закатанными рукавами, перед ним стоял пустой бокал пива и лежала роза на длинном

стебле. Это был он. Её нетерпеливый поклонник. Он поднял лицо, чтобы поглядеть на вошедшую, и она... похолодела. Это лицо было... некрасивым. Оно ей показалось даже безобразным; в этом лице не было ни капли обаяния, никакой особенности, что делает некрасивое лицо своеобразным, даже приятным, отличным от других, лицом, к которому быстро привыкаешь, принимаешь и уже спустя время находишь даже симпатичным.

Он слегка улыбнулся, поднялся ей навстречу и отодвинул стул, чтобы она села.

— Спасибо! — пролепетала она и упала на стул, чувствуя дрожь в коленках.

Да. Он не был готов. Его любовь ни к чему не обязывала. Почему?! Неужели трудно было сходить к хирургу и сделать пластическую операцию?.. Убрать лишнее, прибавить недостающее. Даже хотя бы побриться, а не являться на свидание с трехдневной щетиной!

— Вы на самом деле еще красивее, чем на экране телевизора! — заговорил он высоким голосом, и она вздрогнула.

За долгое время до этой встречи мог бы поупражняться, чтобы понизить высоту звука, упорными упражнениями перейти на лирический баритон, а то и на бас. Говорят, хорошо помогают сырые яйца. Не подготовился. Любовь не обязывала... Только речь его текла плавно, как, бывает, скользит лодка по гладкой воде, видно, давно отработанная, наверное, с юности, как у нее макияж.

Подошел официант, он заказал себе еще кружку пива, а она — чашечку эспрессо, и стала потихоньку приходить в себя от потрясения.

— Нет, в самом деле, — продолжил он тем же невыносимо высоким голосом, — я сделал столько ваших фотографий с экрана телевизора! Могу открыть у себя в квартире филиал Лувра! Но в жизни вы выглядите потрясающе! Вы мне напоминаете Софи Лорен...

— Издалека! — натянуто улыбнулась она и отхлебнула из своей чашечки кофе, стараясь, чтобы он не заметил, как дрожит ее рука. Понятно, ничего общего с Софи Лорен она не имела, это были только комплименты и попытки быть галантным. Но на галантность у нее не было времени.

— Скажите, как вы относитесь к Генриху Новалису? — спросила она и улыбнулась уже открыто, эта улыбка для тех, кто ее знал, означала, что она стала противна сама себе и приготовилась это впечатление изменить.

Вспомнив о Новалисе, этом юном немецком бароне восемнадцатого века, она оживилась, откинула белокурый локон с лица и невольно расслабилась — словно нырнула в свою бездонную, нелогичную стихию духовности и расправила крылья.

— Этот юноша был чудесным поэтом. Вам не кажется? Его «Гимны к ночи» просто потрясает необычностью...

Он даже не наморщил лоб, как бы силясь вспомнить давно прочитанное.

— Не знаю. Не читал, — спокойно ответил он, беря кружку своими крупными, мохнатыми, как у паука, пальцами. Она в ужасе уставилась на них. — Чем вы занимаетесь в свободное от телевидения время?

— Э-э!.. Многим... К примеру, изучаю биохимию, генетику и физиологию растений! Хочу не только видеть растения снаружи, их цвет и контуры, хочу понимать, как они живут, чем дышат, а без физиологии тут не обойтись. Завидую Грегору Менделю! — вдохновилась она, подхватывая новую тему для разговора. Может быть, он в генетике силен, поскольку на тему таинственного наследования свойств и признаков живых существ она могла говорить весь вечер. Впрочем, она чувствовала сейчас наконец вдохновение и готова была говорить на любую тему.

— А кто это? — поднял брови ее собеседник.

— Чешский монах девятнадцатого века, изучал растения в монастырском саду и занимался выведением роз и их опылением. Отец нынешней генетики.

Он откинулся на спинку стула, посмотрел на нее удивленно, и в глазах его отчетливо читалась откровенная растерянность. До этой встречи он видел с экрана телевизора красивую женщину и наделил ее прекрасными эфемерными свойствами, но сейчас перед ним была умная, образованная, тонко чувствующая, возвышенная женщина, и к этой женщине он не был готов.

— Неужели интересно быть такой занудой? — слегка поморщился он, досадуя, вероятно, на

себя, и припал к своей кружке пива, словно его мучила жажда. Она откинулась на спинку стула, прищурила глаза и широко, свободно улыбнулась.

— Все наоборот! До того, пока вас не знала, я была занудой, — ответила она. — Но ваши письма изменили меня, я стала интересной для себя самой. Я смотрю сейчас на мир, словно никогда его прежде не видела, и теперь понимаю, как плохо его знала. Я могу рассматривать его сверху — будто с облаков, и снизу — как бы со дна океана. Он открывается мне в своей глубине и загадочности. Меня стало все интересовать...

Зазвонил его мобильный телефон, он выхватил его из кармана и взглянул на номер.

— Извините, — сказал он, поднялся и отошел в сторону.

Она кивнула и улыбнулась; кажется, этот звонок был спасательным кругом, он вытащил ее поклонника из неловкой ситуации.

Через несколько минут он вернулся.

— Мне надо срочно уйти, — сказал он приглушенным голосом, кладя деньги за пиво на стол. — Извините. Эта розочка вам! Вы потрясающе красивая женщина!

Она осталась одна и долго сидела, задумчиво глядя через большое окно кафе на улицу, но не видя того, что там происходило.

«Почему он не подготовился? — задавалась она вопросом. — Или это были только слова? Слова, призванные служить тому же, чему служит макияж — создать таинственный образ, приукрасить действительность, создать впечатление. Через эти слова создать о себе впечатление умного, образованного, заботливого?.. Как человек хвастливый он хотел только казаться, но не быть, набрасывая на себя макияж слов. Он меня возвышал, чтобы возвысить себя, он меня воспевал, чтобы пели о нем. Он казался и остался кажущимся. А я стала, я вылепила себя вновь...»

Она поднялась, заплатила за эспрессо, пошла к выходу и опустила розочку в мусорный контейнер. Теперь она знала. Ей нужен тот, кого любовь обязывает, кого любовь поднимает, развивает, дает ему крылья, обогащает и возносит, кого делает интересным и любознательным, кому она раскрывает глаза, делает сердечным и внимательным к миру...

*Жизнь – это чередование всяких комбинаций.
Их следует изучать, следить за ними,
чтобы везде оставаться в выгодном положении.*
Оноре де Бальзак (1799–1850)

Они часто встречались в маленьком кафе на углу трех тихих улочек. Улыбались друг другу при встрече, он целовал ее в щеку и подавал цветы, они садились напротив, заказывали кофе и пирожные. Обоим казалось, что они влюблены, и потому им было хорошо вдвоем. Когда-то они вместе учились в школе, потом пути их разошлись; прошло пятнадцать лет. Однажды случайно они встретились на улице родного города.

Кем стал он? Что произошло с ней за эти годы?

За беседами выяснилось, что за прошедшие годы он стал коммерсантом, а она – вдовой успешного предпринимателя и богатого человека. Год назад его застрелили на улице в собственной машине.

Глядя на нее, он принимал ее за домашнюю кошечку. Она на самом деле была нежной и доверчивой, ее хотелось гладить пусть просто ласковыми словами и теплым взглядом. В ответ она мурлыкала и глядела на него счастливыми глазами под сенью темных ресниц. От смущения она часто поправляла белокурые локоны, спадавшие на ее плечи. Во всех поворотах прелестной головы, во всех изгибах стройного тела, легких движениях рук, поправлявших прическу, он видел перед собой ласковую, грациозную, доверчивую кошечку. Он восхищался ею, был покорен ее открытостью и

женственностью. Она казалась ему домашней, далекой от измен и затаенных мыслей, безобидной и послушной, словно создана для уюта и глубокого душевного спокойствия.

Глядя на нее, он успокаивался, если был чем-то раздражен; глядя на нее, он умилялся, если был спокоен до их свидания...

Но он не догадывался, что в то самое время, когда он говорил, а она улыбалась тихой улыбкой или, прикрыв глаза, слушала его ласковые слова, от легкого смущения поправляя волосы, глазами женщины-милой кошечки на него смотрели совсем другие глаза. Как в засаде, в ней скрывалась настороженная и сильная тигрица. Это она внимательно слушала его восторженный любовный бред, пристально следила за каждым жестом. И не верила ни одному слову.

Когда он однажды предложил ей поехать к морю отдохнуть и весело провести время, то увидел, к своему изумлению, как вспыхнули ее зеленые глаза и стали желтыми, как опасливо напряглась и выгнулась ее гибкая спина. После некоторой заминки она сказала, что к морю не поедет – не любит жары, суеты, толкотни, напряжения дороги, стука колес поезда. Лицо ее вновь стало невозмутимо спокойным, позеленели глаза. Снова перед ним была прежняя кошечка, в которой только на мгновение мелькнул хищный лик тигрицы.

Это превращение кошечки в тигрицу и обратно его озадачило. Но тут же мелькнувшее странное преображение было вытеснено из его памяти приятной беседой. Так для чего таилась и почему внимательно слушала? Из какой глубины ее природы выскочила яростная тигрица? И почему она там скрывается?

Это дикое и опасное животное вновь напомнило о себе, когда он заявил, что хочет на ней жениться. И на этот раз от него не укрылось, как по ее красивому лицу скользнула недоверчивая гримаса тигрицы и тут же пропала за натянутой кошачьей улыбкой.

Он не замечал, что тигрица появлялась в те моменты, когда кошечка была чем-то недовольна, и тогда дичало ее лицо, желтели ее глаза. Кошечка в этой красивой чувствительной женщине была доверчивой и увлекающейся натурой, ее можно было легко соблазнить нежностью, лаской и обещаниями. Она довер-

чиво, как ему казалось, принимала видимость за реальность, была готова идти за восхищенным мужским взглядом как на поводке. И тигрица знала, что охраняет! Прячась в засаде, она внимательно слушала, улавливая каждую мелкую деталь, — она всегда была на страже спокойствия и благополучия кошечки.

Эта тигрица вела себя так, словно кошечка была ее дитем, и потому чувствовала себя обязанной как мать заботиться о ней, быть на страже ее счастья и покоя. Если что-то угрожало ее благополучию или упорядоченному уютному миру, то появлялась тигрица и была готова со всей свирепостью защищать ее. Но мужчина в этой великолепной женщине обычно видел только кошечку, хотя перед его глазами, словно в театре, мелькали разные лики ее натуры. Тигрица, которая иногда напоминала о себе, была для него загадочной, темной личностью. Знал бы он, какую роль она играет в ее жизни!..

Очередное свидание назначили на воскресенье. К назначенному часу он тщательно побрился, надел темную рубашку и вышел на улицу. Но направился не к кафе, месту их обычных встреч. Он пошел по узкой улице, забитой с обеих сторон припаркованными машинами, к дому в тени ветвистых лип. Войдя в подъезд, он поднялся на третий этаж, достал отмычки и привычным движением открыл дверь, неслышно вошел в прихожую и осмотрелся. В прихожей он тут же

почувствовал ее запах — легкий цветочный аромат ее духов, и на него нахлынула нежность. Ее незримое присутствие взволновало его так, как это было при каждой встрече. Но он пришел сюда не за ее ароматами. Еще раз скользнув глазами по стенам прихожей, он направился в гостиную, где, по его расчетам, за стеклянными дверцами шкафов стояли ее многочисленные шкатулки с драгоценностями. О! Он знал в них толк! Это был его бизнес, его мастерство!

Открыл дверь в гостиную и вошел.

— Разве мы договаривались встретиться в моей квартире? — услышал он внезапно ее голос. Мужчина вздрогнул, резко обернулся и увидел ее — она сидела в глубоком кресле и глядела на него холодными глазами, а перед ней на столике лежал черный пистолет. — Я никому не позволю вносить изменения в мою спокойную, размеренную жизнь, запомни это!

Двое полицейских, прятаясь за дверью, защелкнули на нем наручники. Она поднялась с кресла и подошла к нему вплотную. Он снова увидел ее желтые тигриные глаза. Но уже через мгновение они приняли прежний изумрудный цвет, а на ее прекрасном лице проступила знакомая ласковая улыбка.

— Мне очень жаль! — пробормотала она. — Я все-таки тебя любила...

□

Лукас фон ШЕЛЛЬ —

родился в России, в Кемеровской области.

Окончил Ленинградский государственный университет,

переехал в Германию.

Ряд рассказов на немецком языке

опубликованы в антологии «Neue Literatur» (2013).

В настоящее время живёт в Петрозаводске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

